

A movie poster for the Russian film 'Звёздный корабль' (Starship Troopers). The poster features two main characters: a woman on the left in ornate, metallic, insect-like armor with a long, flowing orange cape, and a man on the right in a dark, tactical military uniform with a wide, metallic belt. They are standing in front of a blurred, futuristic cityscape at night, with glowing lights and structures visible in the background. The overall tone is dramatic and action-oriented.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ЗВЁЗДНЫЙ
КОРАБЛЬ

Сергей Патрушев
Звёздный корабль

«Автор»

2026

Патрушев С.

Звёздный корабль / С. Патрушев — «Автор», 2026

Экипаж «Странника» — беглый должник Грей, девушка с тайной в прошлом Алиса и боевой андроид Р-7 — зарабатывают на жизнь рискованными контрактами на задворках галактики. За ними охотится могущественная корпорация, желающая заполучить секреты отца Алисы. Отчаянный побег приводит их к легендарной планете-библиотеке «Архив», где хранятся знания, способные уничтожить цивилизации. Перед Греем встаёт выбор: продать данные и обрести богатство или уничтожить их, чтобы спасти миллионы жизней. Космический приключенческий роман о свободе, цене выбора и настоящей команде.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пыль на ботинках.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Патрушев

Звёздный корабль

Глава 1. Пыль на ботинках.

Солнце здесь не всходило. Оно вообще не имело права называться солнцем в том смысле, в каком это слово понимали на других планетах — мирах с голубым небом, белыми облаками и теплым золотым светом, от которого хочется жмуриться, подставлять лицо ветру и улыбаться просто так, без причины, наслаждаясь самим фактом существования. Здесь, на Новом Катализаторе, небесное светило представляло собой нечто иное — гигантский, вечно пульсирующий шар грязно-оранжевого цвета, похожий на воспаленный, налитый гноем глаз какого-то космического божества, который медленно, словно нехотя, преодолевая сопротивление самого пространства, выползал из-за горизонта, заливая окрестности болезненным, каким-то умирающим светом.

Этот свет не дарил тепла в привычном понимании, он, скорее, нагревал воздух до температуры плавильной печи, создавая эффект гигантской духовки, из которой невозможно выбраться, сколько ни пытайся. Грей знал это лучше, чем линии на собственных ладонях — хотя ладони давно уже стали одного цвета с пылью, въевшейся в каждую трещину, в каждую складку кожи, в каждую пору, настолько глубоко, что никакая химия не смогла бы вытравить этот серый, вездесущий налет. Он пробовал оттирать её песком, жесткими щетками, даже кислотой, которую стащил с одного из складов, но всё было бесполезно. Пыль стала частью его тела, частью его существа, такой же неотъемлемой, как кровь, текущая по венам, как воздух, наполняющий легкие, как мысли, роящиеся в голове.

Эта пыль была повсюду. Она была не просто атмосферным явлением, не просто взвесью мельчайших частиц в воздухе — она была сутью этого места, его душой, его дыханием, его проклятием. Она скрипела на зубах при каждом слове, при каждом вдохе, при каждом движении челюстей. Она забивалась в фильтры респираторов, превращая их в бесполезные куски пластика и ваты за считанные дни, несмотря на все заверения производителей о том, что их продукция способна выдерживать экстремальные условия.

Она тонким серым слоем ложилась на крыши времянок, собранных из обшивки погибших кораблей, на плечи людей, на их волосы, на их мысли, проникая в самые потаенные уголки сознания, отравляя не только тело, но и душу. Она была везде и нигде одновременно, как сам воздух, как сама жизнь, как само время, которое здесь текло совершенно иначе, чем в остальной вселенной — медленнее, тяжелее, безнадежнее.

Планета называлась Новый Катализатор — имя, данное ей в те далекие, почти мифические времена, когда колонисты еще верили, что это место может стать новым домом, новым началом, площадкой для чего-то великого, способного изменить судьбу человечества. Тогда, много десятилетий назад, сюда летели с надеждой, с энтузиазмом, с верой в светлое будущее. Первые поселенцы видели в этой планете не пустыню из ржавого металла, а чистый лист, на котором можно написать новую историю цивилизации. Они строили города, прокладывали дороги, запускали атмосферные процессоры, пытаясь превратить негостеприимный мир в подобие Земли. Но что-то пошло не так. Война, экономический кризис, технологическая

катастрофа — причины уже никто не помнил, да и не хотел помнить. Важен был лишь результат: планета превратилась в гигантскую свалку, в отстойник, куда стекались отходы со всего сектора, со всей обитаемой галактики. Города опустели, заводы остановились, атмосферные процессоры вышли из строя и теперь ржавели на окраинах, как памятники несбывшимся мечтам. Осталась только Свалка. Бесконечная, всепоглощающая, вечная.

Но все, кто здесь жил сейчас, звали её просто — Свалка. И это было самое честное название во всем секторе. Не Новый Катализатор, не Колония-7, не Промышленный Узел-12, как она значилась в официальных документах, а именно Свалка. Коротко, ёмко, без иллюзий. Название, которое не оставляло места для надежды, для мечтаний, для пустых фантазий о лучшей жизни. Свалка — это место, куда выбрасывают ненужное. И люди, живущие здесь, прекрасно понимали, что они тоже — часть этого ненужного, отработанного материала, который система списала со счетов.

Грей открыл глаза. Это произошло резко, без переходного состояния полудремы, без сладкой неги пробуждения, без постепенного возвращения сознания из глубин сна — просто сознание включилось, как включается аварийный генератор при отключении основного питания: мгновенно, без раскачки, с полной готовностью к работе. Так было всегда, сколько он себя помнил. Его организм давно адаптировался к суровым условиям Свалки, выработав собственный режим функционирования, отличный от того, что предписывали учебники по физиологии. Он не мог позволить себе роскошь медленного пробуждения, потягиваний в постели, ленивого разглядывания потолка в попытке вспомнить, какой сегодня день и что предстоит сделать. Каждая секунда имела значение. Каждая минута была на счету. Каждое мгновение, потраченное впустую, приближало его к той черте, за которой начиналось небытие.

Он лежал на спине, глядя в потолок своего жилища. Потолок представлял собой кусок стабилизатора от старого грузового транспорта класса «Титан» — массивная плита из композитного материала, покрытая замысловатым узором микротрещин и оплавленных участков. Когда-то эта плита была частью огромного корабля, бороздившего просторы галактики, перевозившего грузы между звёздными системами, служившего домом для экипажа из тридцати человек. Теперь она служила крышей для одного-единственного человека, затерянного в море металлолома. В левой части плиты имелась характерная вмятина, похожая на контур несуществующего материка с изрезанной береговой линией, заливами и полуостровами. Грей смотрел на неё каждое утро.

Это был его личный ритуал, его первая мысль, его якорь, возвращающий из беспокойного сна без сновидений в суровую реальность. Он изучал эту вмятину так часто, что мог бы нарисовать её с закрытыми глазами, мог бы воспроизвести каждый изгиб, каждую неровность, каждую трещинку. Иногда ему казалось, что этот контур напоминает карту какого-то далекого мира, о котором он читал в одном из чипов. Мира с океанами, лесами, горами и реками. Мира, где не было пыли, не было Свалки, не было долговой ямы. Мира, который существовал только в его воображении и в старых навигационных картах, сохранившихся в памяти уцелевших компьютеров.

Вторая мысль была о долге. Она приходила всегда, тяжелая, как ботинок, наступивший на грудь, как пресс, медленно опускающийся сверху, как удавка, затягивающаяся на шее с каждым днем все туже. Эта мысль не была неожиданной — она была такой же постоянной, как восход багрового солнца, как пыль на ботинках, как гул магнитных подъемников, доносящийся с сортировочной площадки. Долг висел над ним, над всеми, кто работал в долговой яме.

Это не было метафорой, не было красивой фигурой речи, придуманной для описания финансовой зависимости. Долговая яма — буквально огромный котлован на восточном краю свалки, колоссальных размеров углубление в поверхности планеты, куда сталкивали остовы кораблей, отслуживших своё. Она была видна даже с орбиты — гигантская рана на теле планеты, заполненная металлом, пластиком и человеческим отчаянием.

Там, внизу, среди переплетения искореженных балок, оплавленных листов обшивки, разорванных кабелей и разбитых панелей управления, работали должники. Они разбирали корпуса, срезали уцелевшие узлы, сортировали металл по типам, по классам, по степени повреждения. Платили за это гроши, из которых вычитали за воздух, за воду, за инструмент, за штрафы. Штрафы были повсюду — за опоздание, за разговор, за слишком медленную работу, за слишком быструю работу, за неаккуратный срез, за потерянный болт, за грязный браслет, за неправильно заполненный отчет, за отсутствие на вечерней переключке, за неопрятный внешний вид, за всё, что только можно придумать. Система была построена так, чтобы человек никогда не выбрался из ямы. Она была идеальной машиной по производству безысходности, отлаженной до совершенства за десятилетия эксплуатации.

Грей часто думал о том, кто придумал эту систему. Какие люди сидели в комфортабельных кабинетах на далеких станциях и разрабатывали правила, обрекающие миллионы на вечную кабалу? Они когда-нибудь видели лица тех, кто работает в яме? Они знали, что такое пыль, въевшаяся в кожу настолько, что её невозможно отмыть? Они понимали, что значит просыпаться каждое утро с мыслью о долге, который никогда не сможешь выплатить? Скорее всего, нет. Для них должники были просто цифрами в отчетах, абстрактными единицами рабочей силы, ресурсом, который можно расходовать без оглядки. Грей ненавидел их всех — безымянных бюрократов, создавших этот ад. Но ненависть не приносила облегчения. Она лишь добавляла ещё один слой горечи к тому, что уже накопилось в его душе.

Грей сел, спустил ноги на холодный пол. Металл обжег ступни ледяным прикосновением — ночью температура на планете падала почти до нуля, и дом не успевал прогреться даже к утру. Пол был собран из палубных плит, всё еще хранивших заводскую маркировку — длинные ряды цифр и букв, выштампованных в металле. Эти маркировки когда-то означали принадлежность к определенному кораблю, к определенной палубе, к определенному отсеку. Теперь они были просто частью пола, по которому ходил Грей. Некоторые плиты были прожжены насквозь, другие покрыты ржавчиной, третьи — следами от плазменных резаков, оставленными, возможно, еще в те времена, когда корабли разрезали на части перед отправкой на переплавку. Его дом, его крепость, его клетка. Он построил его сам из того, что удалось стащить с восточного полигона, пока надзиратели не видели. Строительство заняло почти год.

Каждый свободный час, каждую минуту, которую он мог украсть у сна, он таскал сюда материалы — балки, листы, крепеж, изоляцию. Он знал каждый сантиметр этого жилища, каждую щель, каждую неровность, каждый болт, каждую заклепку. Это было единственное место на планете, где он чувствовал себя хоть немного в безопасности. Здесь он мог снять респиратор, не боясь задохнуться. Здесь он мог думать, не опасаясь, что его мысли кто-то подслушает. Здесь он был самим собой — не должником с браслетом на запястье, а человеком со своими мечтами, надеждами и планами.

Снаружи донесся уже привычный утренний гул — это заработали первые магнитные подъемники на главной сортировочной площадке. Низкий, вибрирующий звук проникал сквозь стены, заставляя мелко дрожать пол под ногами, передаваясь через кости, через мышцы,

через каждый нерв. Этот звук был неотъемлемой частью жизни на Свалке, как биение сердца, как дыхание, как сама пыль. Грей давно перестал его замечать, но иногда, в минуты особой усталости, этот гул начинал раздражать, проникая в самые глубокие слои подсознания, лишая покоя и сна. День обещал быть жарким. Пыль, взбитая ночным ветром, всё еще висела в воздухе, делая небо бледным, выцветшим, словно старая фотография, пролежавшая на солнце несколько десятилетий. Грей подошел к окну — маленькому проему, закрытому куском прозрачного пластика, который когда-то был частью иллюминатора. Вид отсюда открывался на бескрайние поля корабельных обломков, уходящие за горизонт. Тысячи, десятки тысяч кораблей. Кладбище стали и композитов. Лабиринт из мертвого металла.

Этот вид всегда вызывал у него противоречивые чувства. С одной стороны, он напоминал о том, где он находится и что его окружает — о безысходности, о тщетности любых попыток вырваться из этого ада. С другой стороны, в этих бесконечных полях металла скрывались сокровища, которые могли изменить его судьбу. Каждый корабль, даже самый разбитый и искореженный, хранил в себе частицы знаний, осколки технологий, крупницы информации. Нужно было только уметь их находить. И Грей умел. Он потратил годы на то, чтобы научиться этому искусству — искусству чтения мертвых кораблей. Каждый из них рассказывал свою историю тому, кто умел слушать. Историю полетов, сражений, аварий, катастроф. Историю людей, которые когда-то ходили по их палубам, сидели в их креслах, нажимали на их кнопки. Историю технологий, которые были передовыми в свое время, а теперь превратились в груды металлолома.

Он прошел к умывальнику — примитивной раковине, вырезанной из канистры из-под топлива. Из крана потекла ржавая вода, холодная, пахнущая металлом и чем-то химическим, отдаленно напоминающим больничный антисептик. Грей плеснул её в лицо, растер ладонями, чувствуя, как холод обжигает кожу, как вода стекает по шее за воротник комбинезона. Вода вернула к реальности. Пора было идти. Смена начиналась с первым ударом sireны, а сирена не прощала опозданий. Штраф. Ещё один штраф. Ещё пара кредитов в бездонную глотку долга. Он ненавидел эту сирену. Её вой был похож на крик раненого животного — пронзительный, надрывный, проникающий в самое нутро, заставляющий сжиматься внутренности, вызывающий животный, иррациональный страх. Она звучала три раза в день: утром, в обед и вечером. Три раза в день она напоминала ему о том, кто он такой и где находится. Три раза в день она убивала в нем частичку надежды, оставляя вместо неё пустоту, которую заполняла пыль — вездесущая, всепроникающая, безжалостная.

Он натянул рабочий комбинезон — когда-то оранжевый, теперь — цвета дорожной грязи, настолько выцветший и покрытый пятнами, что первоначальный цвет угадывался лишь по крошечным участкам под клапанами карманов. Ткань на коленях и локтях была укреплена вставками из кожи какого-то местного ящера — существа, которое, по слухам, обитало в глубоких расщелинах под слоями обломков.

Никто никогда не видел этих ящеров живыми, но их кожа иногда попадалась на разобранных кораблях, куда они заползали в поисках тепла и укрытия. Кожа была жесткой, грубой на ощупь, но невероятно прочной — она выдерживала удары об острые края металла и не пробивалась искрами от плазменных резаков. Грей не раз благодарил судьбу за то, что ему удалось раздобыть эти вставки. Они спасли его от множества порезов и ожогов, которые могли бы привести к заражению — а заражение на Свалке было почти гарантированной смертью. Медицинская помощь была недоступна для должников, а антибиотики стоили целое состояние.

Ботинки — тяжелые, с магнитными подошвами, — ждали у входа. Грей проверил герметичность, осмотрел швы, постучал по подошве. Эти ботинки были его главным инструментом выживания. От них зависела его способность передвигаться по опасным участкам, его устойчивость на скользких поверхностях, его защита от острых краев и падающих обломков. Пыль была не просто неприятной. В ней содержались микрочастицы тяжелых металлов, осколки композитных материалов, остатки химических соединений, и после двенадцатичасовой смены легкие необратимо впитывали часть этой отравы. Респиратор был обязателен, но Грей ненавидел его. Он сдавливал лицо, оставлял красные следы на щеках и переносице, мешал дышать, создавал ощущение, что на лицо надет влажный, горячий пресс. Но и без него нельзя. Он натянул лямки, поправил фильтр, проверил клапаны. Всё как обычно. Всё как всегда. Всё как будет продолжаться до тех пор, пока он не найдет способ выбраться отсюда.

Пыль на ботинках. Это было первое, что он заметил, выходя из дома. Его ботинки были чистыми минуту назад. Он специально чистил их перед выходом — не из стремления к аккуратности, а из практичности: грязные ботинки быстрее изнашиваются, а новые ботинки стоят целое состояние. Теперь они снова покрылись тонким серым налетом, который проник в каждую выемку, в каждый шов, в каждую трещину на коже. Вечное проклятие этой планеты. Он счистил её автоматическим движением щетки, висевшей у двери, но знал, что через десять шагов она вернется. Так было всегда. Так будет всегда, если он ничего не изменит. Эта мысль кольнула его где-то глубоко внутри, в том месте, где еще теплился уголек надежды. Уголек, который он бережно хранил все эти годы, не давая ему погаснуть, подкармливая его мечтами, планами, знаниями. Уголек, который однажды должен был разгореться в пламя.

Посёлок должников просыпался. Из соседних времянок, таких же неуклюжих, собранных из кусков обшивки, выходили люди. Они двигались молча, опустив головы, направляясь в сторону эстакады, ведущей к яме. Никто не разговаривал. Экономил силы. Разговор — это трата энергии, а энергия здесь была на вес золота. Лица у всех были одинаково серыми, одинаково безразличными, одинаково лишенными каких-либо эмоций. Это были люди, смирившиеся со своей судьбой. Люди, потерявшие способность мечтать.

Люди, превратившиеся в функции. Грей влился в этот серый поток, стараясь не выделяться, не привлекать внимания. Он научился этому искусству — искусству быть невидимым. Невидимость была его защитой. Надзиратели не обращали внимания на тех, кто не выделялся. Они искали бунтарей, искали тех, кто пытался сопротивляться, кто сохранил искру непокорности в глазах. Таких быстро ломали. Грей не хотел быть сломанным. Поэтому он тщательно скрывал свой внутренний мир от посторонних глаз, притворяясь таким же серым и безразличным, как все.

Его дом стоял на отшибе, почти у самого края обрыва, откуда открывался вид на бескрайние поля корабельных обломков. Это было странное зрелище — насколько хватало глаз, простиралось море металла. Некоторые корабли лежали целыми, сохранившими свои очертания, словно выброшенные на берег киты, ожидающие прилива, который никогда не наступит. Другие были разорваны на части, разбросаны взрывами или просто временем, превратившиеся в бесформенные груды, в которых невозможно было угадать первоначальную конструкцию. Третьи — сплющены, смяты, перекручены так, что невозможно было определить их первоначальную форму, словно какой-то гигант сжал их в кулаке и выбросил за ненадобностью. Где-то там, среди этого хаоса, скрывались настоящие сокровища. Грей знал это точно. Он видел их. Он держал их в руках. Он хранил их в своем тайнике.

Он шел по узкой тропинке, вытоптанной в пыли, мимо остовов. Каждый из них рассказывал свою историю. Некоторые были старыми боевыми крейсерами, оставшимися после войны за Третий Предел — конфликта, который унес миллионы жизней и оставил после себя тысячи кораблей-призраков, дрейфующих в пустоте или сваленных в кучи на планетах-свалках. Другие — торговыми судами, попавшими в аварии или списанными по возрасту, сброшенными сюда, как отработанный материал, как старые вещи, вышедшие из моды. Третьи — вообще непонятными конструкциями, возможно, даже не человеческого происхождения, которые никто не мог идентифицировать. Свалка принимала все.

Она была дном, куда стекались отходы всего сектора, всей обитаемой галактики. И в этом дне, как ни странно, была своя жизнь. Здесь обитали не только должники. Здесь жили дикие животные, приспособившиеся к ядовитой пыли, здесь росли уродливые растения, питающиеся химикатами, здесь существовали целые экосистемы, возникшие на обломках цивилизации. Жизнь всегда находит способ. Даже в самом негостеприимном месте, даже среди ржавого металла и ядовитых испарений, она пробивается, адаптируется, выживает. Грей восхищался этой способностью жизни. Она давала ему надежду. Если уж микроскопические организмы могут выжить в таких условиях, то и он сможет.

Грей замедлил шаг возле одного из остовов — носовой части фрегата класса «Игнис». Его глаза, натренированные за годы работы, зацепились за едва заметное свечение в глубине открытого люка. Это был не свет в привычном понимании, а скорее отблеск, едва уловимое мерцание, которое мог заметить только тот, кто знал, куда смотреть.

Он не подал виду, лишь бросил короткий взгляд, фиксируя координаты, запоминая точное местоположение. Это мог быть уцелевший накопитель данных. Такие находки были его тайной валютой. Не для продажи — для знаний. Знания были важнее денег. Деньги можно отнять, потерять, их можно потратить. Знания — это то, что навсегда остается с тобой. То, что делает тебя сильнее. То, что может открыть двери, которые закрыты для обычных людей.

Он не был простым должником, смирившимся со своей участью. Грей тратил каждую свободную минуту на изучение кораблей. Он видел в них не груды металла, а сложнейшие системы, понимание которых могло дать власть. Каждый корабль был для него книгой, написанной на языке технологий. Каждый болт, каждый кабель, каждый чип рассказывали ему свою историю. Он умел читать эти истории. Он потратил годы на то, чтобы научиться этому. И теперь его оружием были не мышцы, а мозг. Именно поэтому он выжил.

Именно поэтому он всё ещё надеялся. Надежда — это то, что отличало его от остальных. Надежда и цель. Многие из тех, кто работал в яме, давно потеряли и то, и другое. Они существовали, но не жили. Они дышали, но не чувствовали. Они двигались, но не действовали. Грей не хотел стать таким. Он цеплялся за свою надежду, как утопающий цепляется за обломок корабля, который может вынести его на берег.

Гул подъемников становился громче по мере приближения к яме. Эстакада, длинная платформа на сваях, вывела его к краю долговой ямы. Отсюда открывался вид на всю яму целиком — колоссальное углубление, заполненное кораблями, металлом, людьми. Внизу уже кипела работа. Краны, похожие на доисторических птиц, опускали вниз тросы с крюками, поднимали наверх целые секции корпусов, переносили их к сортировочным площадкам.

Люди в серых комбинезонах, похожие на муравьев, копошились среди обломков, каждый занятый своим делом. Искры от плазменных резаков разлетались в стороны, создавая в воздухе причудливые узоры, похожие на фейерверки, которые никто не запускал ради праздника. Пахло озоном, горелым металлом и пылью. Всегда пылью. Этот запах преследовал его повсюду, он проникал в легкие даже через фильтры, оседал на языке, на зубах, на нёбе. Иногда Грею казалось, что он уже никогда не сможет избавиться от этого вкуса — вкуса металла и смерти.

Грей приложил браслет к считывателю у входа на спусковую платформу. Тот пискнул, на экранчике высветился его личный номер, смена, уровень допуска и, главное, текущая сумма долга. Он не стал смотреть на цифры. Они не имели значения. Они были лишь подтверждением бесконечности, математическим выражением его несвободы. Сколько бы он ни работал, сколько бы ни старался, сумма долга менялась медленно, словно насмехаясь над его усилиями. Проценты росли быстрее, чем он успевал зарабатывать. Это была система, созданная для того, чтобы держать людей в вечной кабале. Грей понимал это. Он не питал иллюзий. Единственный способ выбраться из ямы — это перестать играть по её правилам. Перестать быть винтиком в этой машине. Перестать быть функцией. Стать свободным.

Он прошел дальше, встал на платформу, которая медленно опустила его на дно ямы. Спуск занимал несколько минут. За это время можно было наблюдать, как меняется перспектива: стены ямы поднимаются все выше, небо превращается в далекий светящийся прямоугольник, а воздух становится все плотнее и горячее.

Здесь, внизу, он был особенно тяжелым. Жара от разогретого металла волнами поднималась вверх, создавая ощущение, что находишься внутри гигантской печи. Грей нашел свою бригаду — трое таких же, как он, должников. Старший, Хак, кивнул ему. Хак был огромным, молчаливым, с руками, способными гнуть арматуру, и с глазами, в которых уже давно потухла какая-либо надежда. Он просто работал. Ел, спал, работал. Идеальный должник. Идеальная машина для выживания. Грей уважал его за выносливость, но никогда не понимал, как можно жить без мечты. Хак, казалось, забыл, что такое мечтать. Или никогда не умел. Возможно, он родился уже сломленным, уже готовым к этой жизни, уже приспособленным к безысходности. Грей не знал его истории. Хак не рассказывал о себе. Да и никто не рассказывал. Прошлое было роскошью, которую не могли себе позволить должники.

— Сектор Д-17, — коротко бросил Хак, указывая в сторону груды оплавленных листов, ещё недавно бывших кораблем.

Грей кивнул и пошел к указанному месту. Работа была знакомая. Нужно было распилить корпус, отсоединить уцелевшие узлы, отсортировать материалы. Монотонно, тяжело, опасно. Но за годы он научился отключать мозг от тела. Руки работали, а разум улетал далеко — в мир схем, чертежей, в мир, который он создавал у себя в голове. Это была его особая форма медитации. Пока руки выполняли знакомые движения, мозг обрабатывал информацию, полученную из чипов, строил гипотезы, искал решения. Многие из его лучших идей родились именно здесь, на дне долговой ямы, среди искр и грохота. Возможно, именно контраст между монотонностью физического труда и свободой умственной деятельности стимулировал его мышление. Или, может быть, его мозг просто нуждался в способе убежать от реальности, и этот способ был самым безопасным.

Он помнил тот день, когда нашел свой первый чип. Это было несколько лет назад, вскоре после того, как он попал в яму. Тогда он еще был полон иллюзий, верил, что сможет отработать

долг и выбраться. Тот день изменил всё. Это был крошечный, почти незаметный кристалл, вывалившийся из-под панели управления старого разведывательного зонда. Грей подобрал его просто из любопытства, из какого-то детского интереса к неизвестному.

Дома, подключив его к древнему планшету, который он собрал из найденных запчастей, Грей не спал всю ночь. Это был модуль навигации с полной базой данных по сектору, включая карты, гравитационные колодцы, частоты станций, маршруты патрулей. В тот момент он понял, что в этих горах мусора, которые все презирают, лежит настоящее богатство. Не металлолом, не золото, не кредиты. Знания. Информация. То, что нельзя купить за деньги, но что может дать власть над обстоятельствами. То, что может изменить судьбу.

С тех пор он стал собирать эти крохи. После каждой смены, рискуя быть пойманным, он прочесывал полигоны в поисках уцелевших чипов. Это было опасно. Надзиратели могли заметить, могли заподозрить, могли наказать. Но риск оправдывал себя. Он научился читать чипы, систематизировать информацию, извлекать из них всё ценное. Его тайник под полом дома рос. Там уже лежали десятки кристаллов: системы жизнеобеспечения, управления огнем, гипердвигатели, навигационные компьютеры, протоколы связи.

Он не просто изучал их. Он впитывал эти знания, как пересохшая почва впитывает дождь. Каждый новый чип добавлял ещё один кусочек к огромной мозаике, которую он собирал в своей голове. Мозаика изображала путь к свободе. Он мечтал. Мечтал о том, что однажды эти знания вытащат его отсюда. Мечтал о корабле, о звездах, о новой жизни. Эти мечты были его единственным утешением в бесконечной череде одинаковых дней.

Перерыв дали через шесть часов. Все, шатаясь, побрели к бакам с водой. Грей получил свою порцию — теплую, мутную, с привкусом хлора и ржавчины, но это была вода. Он пил медленно, маленькими глотками, глядя вдаль. Отсюда, со дна ямы, небо казалось ещё более далеким, ещё более недостижимым. Он подумал о кораблях, которые когда-то летали в этих небесах. О звездах, которые он видел только на картинках.

Грей родился на этой планете и никогда её не покидал. Его мир был ограничен свалкой. Но его разум путешествовал по всему рукаву галактики. Он знал названия далеких систем, он мог описать орбитальные станции, которые никогда не видел, он понимал принципы работы гипердвигателей, которые никогда не запускал. Его знания были его билетом в другой мир. Оставалось только найти способ им воспользоваться.

В последнее время он всё чаще думал о том, что просто собирать чипы — недостаточно. Это пассивное накопительство. Оно не даст ему свободы. Оно лишь делает его более информированным пленником. Чтобы разбогатеть по-настоящему, чтобы улететь отсюда, нужно нечто большее. Нужно действовать. Нужно рискнуть. Не деньги. Деньги на этой планете — это просто цифры на браслете, которые можно конфисковать, украсть, потерять. Деньги — это зависимость.

Они привязывают тебя к системе, в которой они имеют ценность. Средство передвижения — вот истинная свобода. Корабль. Собственный корабль. Он долго размышлял над этой идеей, поворачивая её в голове так и эдак, проверяя на прочность. Украсть деньги — значит остаться в системе, где эти деньги имеют ценность. Украсть корабль — значит выйти из системы. Корабль — это дом, транспорт, защита и билет в новую жизнь. Корабль — это будущее. Корабль — это свобода в чистом виде.

Эта мысль родилась не сразу. Она выкристаллизовывалась годами, как соль на стенках старых фильтров, как ржавчина на брошенных кораблях, как пыль, оседающая на ботинках. Он видел, как умирали люди. Видел, как они сходили с ума от безысходности. Видел, как самые сильные превращались в безвольные тени. Видел, как надежда умирала в глазах тех, кто когда-то верил в лучшее. И понимал: единственный способ не повторить их судьбу — это иметь цель. Цель, ради которой стоит жить. Цель, ради которой стоит рисковать. И теперь у него была цель. Украсть не деньги, а средство передвижения. Украсть корабль.

Но какой? Все, что попадало на Свалку, было либо разобрано до винтика, либо годилось только на переплавку. Целые корабли сюда не прилетали. Если корабль сохранял хоть какую-то ценность, его отправляли в доки для восстановления, а не на свалку. Здесь оказывались только безнадежные случаи, отходы, то, что уже невозможно использовать. Нужно было найти нечто особенное. Место, где может стоять исправный, или почти исправный корабль. И такое место было. Засекреченная, законсервированная военная база, о которой шептались на полигонах. Легенда Свалки. Миф, в который никто не верил, но о котором все знали.

Грей услышал о ней полгода назад от одного умирающего старика по имени Лоу. Лоу когда-то был пилотом, но спустил всё на игры и долги. Теперь он умирал — медленно, мучительно, от болезни легких, вызванной годами вдыхания ядовитой пыли. Перед смертью, в бреду, он бормотал что-то о старой базе на северо-востоке, о складах, полных снаряжения, и о кораблях, которые там стоят в ангарах, дожидаясь своих хозяев. Его слова были бессвязными, обрывочными, полными лихорадочных видений. Все считали это бредом сумасшедшего. Все, кроме Грея. Грей слушал внимательно, запоминая каждое слово, каждую деталь. Он понимал, что даже в бреду человек может выдавать крупинцы правды, обрывки воспоминаний, осколки реальности. И он начал собирать информацию. По крупинкам, по обрывкам фраз, по старым навигационным картам, которые попадались в чипах. База называлась «Гелиос-7». Она была построена еще до войны, как перевалочный пункт и ремонтный док для военных кораблей дальнего патруля. После подписания перемирия базу законсервировали, персонал эвакуировали, а все подходы к ней заминировали или вывели из строя. Официально она числилась в списках потерянных объектов, списанных со счетов. Неофициально — была мечтой любого контрабандиста и искателя сокровищ.

Проблема заключалась в том, что никто не знал точных координат. Или делал вид, что не знает. Слишком опасно. Слишком далеко. Слишком много неизвестных. Для обычного должника с долговой ямы — просто самоубийственная затея. Но Грей не был обычным должником. Он был терпеливым, методичным и, главное, знающим. Его знания могли превратить безумную авантюру в просчитанную операцию.

Нужно было только собрать достаточно информации, достаточно ресурсов, достаточно смелости. И он собирал. Каждый чип, каждый обрывок карты, каждое упоминание в старых логах приближали его к цели. Он знал, что однажды доберется до этой базы. Знал, что найдет там свой корабль. Знал, что улетит отсюда. Это была не мечта. Это был план. План, который он методично претворял в жизнь.

Смена закончилась, когда багровое солнце уже почти коснулось горизонта. Сирена звывала, отпуская рабочих. Её звук, как всегда, пронзил воздух, заставив Грея вздрогнуть. Усталость навалилась свинцовой плитой. Мышцы ныли, спина болела, руки дрожали от напряжения. Он поднялся из ямы, прошел через считыватель, автоматически отмечая, что долг умень-

шился на несколько кредитов — капля в море. Пыль снова покрыла его ботинки. Он не стал её стряхивать. Не было сил. Да и смысла не было — через минуту она вернется.

Дома его ждала тишина и прохлада. Он запер дверь на три замка, снял респиратор, умылся. Затем достал из тайника под полом свой планшет и несколько новых чипов, которые ему удалось незаметно подобрать во время смены. Это были обломки системы навигации с какого-то военного корабля. Грей дрожащими от нетерпения руками вставил один из чипов в считыватель. Экран загорелся, выдавая поток данных. Схемы, коды, протоколы. Грей жадно вглядывался в строки, выхватывая знакомые символы. И вдруг он увидел это. Мерцающая точка на старой тактической карте. Сектор 7-Г, квадрат 44. Пометка: «Объект „Гелиос“. Консервация. Допуск: Уровень 5». Он моргнул, проверяя, не кажется ли ему. Нет, не кажется. Это были реальные координаты.

Грей откинулся на спинку стула, сделанного из кресла пилота. Сердце колотилось в груди. Значит, это правда. База существует. И теперь он знает, где её искать. Он перевел взгляд на маленькое окно своей хижины. Свалка лежала перед ним, окутанная вечерней дымкой. Горы металла, из которых он был сделан, вдруг показались ему не тюрьмой, а ступенями лестницы, ведущей вверх. К звездам.

Он понимал, что путь будет долгим. Нужно подготовиться. Нужны припасы, транспорт, чтобы добраться до сектора 7-Г. Нужен план, как проникнуть на базу и обойти её защиту. Нужно изучить каждый метр этого проклятого участка. Но у него есть главное — цель. Конкретная, достижимая. И он был готов рискнуть всем.

Грей посмотрел на свои ботинки. Они были покрыты пылью. Пылью Свалки. Он улыбнулся впервые за долгое время. Эта пыль, проникшая в каждую пору его жизни, скоро останется позади. Он стряхнул её одним резким движением. Завтра начнется новый этап. Завтра он начнет действовать.

Он выключил планшет, но в темноте комнаты перед его глазами всё ещё горела координатная сетка с одной-единственной точкой — «Гелиос-7». Точкой, которая могла изменить всё. Его будущий корабль уже ждал его, затерянный в пыли и забвении. Оставалось лишь прийти и забрать его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.